

Е.Н. Никитина

**О ВИНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ПРИ
«МОДАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ» ГЛАГОЛАХ
(на примере глагола *бояться*)¹**

Новые явления языка вначале являются как
пятна на старых.

А.А. Потебня

Проблема выбора винительного (Вин.) — родительного (Род.) падежей при модально-эмоциональных глаголах связывается в статье с межкатегориальным взаимодействием, в котором участвуют лексическая семантика глагола и имени, категории личности / неличности, количества (в случае вещественных имен). Показано, что расширение категориальной семантики существительных (за счет неличных имен), употребляющихся в форме Вин., может быть связано с повышением индивидуального статуса имени в рамках особых авторских тактик.

Ключевые слова: номинативные / пропозитивные имена, личные/ неличные имена, ирреальная модальность, проспективность, конкретно-референтные имена.

In the article the choice of the Acc./Gen. case of nouns in the context of so-called “modal-emotional” verbs (namely, *бояться*) is associated with some interaction of language categories: lexical semantics, category of personality and category of quantity (in the case of names of substances). It is said in the article that non-standard use of common nouns in the Acc. in the context of *бояться* results in their increased individual status, which correlates with the author's specialized textual tactics.

Key words: nominative/ predicate nouns, unreal modality, prospective meaning, specific/ non-specific nouns.

«Модально-эмоциональными» в данной работе названы, вслед за Г.А. Золотовой, лексически ограниченные группы глаголов «достигательных» (*добиваться, искать, ждать* и др.) и «отложительных» (*бояться, остерегаться* и др.). Г.А. Золотова показала возможность толкования глаголов обеих этих групп, называющих модально-эмоциональное отношение к действию, состоянию, присутствию, выраженному существительным в Род. п. в прилагательной позиции, посредством конструкции с глаголом *хотеть* (с отрицанием или без) и придаточным. Это особенно очевидно в случае существительного пропозитивной семантики: «избежать чествования — *не хотеть, чтобы* чествовали», «требовать благодарности — *хотеть, чтобы* благодарили» [Золотова, 1988: 34]. В случае предметной семантики существитель-

ного в Род. речь идет об эллиптированной пропозиции (с бытийной семантикой): *бояться собаки* — «не хотеть присутствия собаки, не хотеть находиться в присутствии собаки». В «Синтаксическом словаре» Г.А. Золотова показала такие семантические стороны конструкции «модально-эмоциональный глагол + Род.», как наличие ирреальной модальности и пропозиitivность именной синтаксемы Род. п.

Мысль о том, что сочетание глагола обсуждаемой семантики с существительным в Род. п. имеет полипропозиitivный характер, высказывалась в грамматической науке XIX в. Так, А.А. Потебня, излагая точку зрения А.Х. Востокова (см. [Востоков, 1838]) и не соглашаясь с ней, пишет: «<...> ошибочно замечание, что движение мысленное есть сократительный образ выражения вместо предложения придаточного» с союзом *что, чтобы: желать счастья* = чтоб пришло счастье [Потебня, 1958: 321]. Аналогичная идея о сходстве между генитивом и сослагательным наклонением, о предикатной семантике генитива высказана в [Объектный генитив, 2008: 148–156] со ссылкой на работу [Kagan, 2005]. В трудах 1970–1990 гг., выполненных в рамках вербоцентрической и прикладной лингвистики, при семантическом анализе глаголов данной семантической группы (а именно *бояться, что...*) также обращалось внимание на такие семантические компоненты, как «высокая вероятность события, выраженного придаточным» [Иорданская, 1970; Анна А. Зализняк, 1992], «нежелательность события» [Wierzbicka, 1972], эмоциональность (Анна А. Зализняк). В книге [Анна А. Зализняк, 1992] используется название «предикаты внутреннего состояния», которое применяется к таким глаголам, как *бояться* и *ждать*. В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка (НОССРЯ) при толковании глагола *бояться* используется лексика эмоции: «испытывать неприятное чувство (курсив мой. — *Е. Н.*), какое бывает, когда имеет или может иметь место ситуация, воспринимаемая как опасная, и когда человек *хочет* (курсив мой. — *Е. Н.*) избежать опасности» [НОССРЯ, 2004: 60].

Термин Г.А. Золотовой «модально-эмоциональные глаголы» в «Синтаксическом словаре» явился интерпретационным, объяснительным по отношению к глагольной семантике; здесь он используется, так как позволяет под одним названием объединить глаголы, традиционно разводимые по разным рубрикам, и исследовать общие закономерности, касающиеся и семантики глагола, и поведения существительных — мены Род. / Вин.: *бояться собаки* — *бояться собаку, ждать поезда* — *ждать поезд*. Ср. также термин «интенциональные глаголы» из [Объектный генитив, 2008], который используется для глаголов с семантикой желания (*требовать, просить, ждать* и т.п.) и в «сферу действия» которого, по-видимому, не попадают глаголы «отложительные», с семантикой отчуждения (*избегать, чуждаться*).

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 12-04-12064).

Семантику современного Род. в русском языке (и славянских) принято возводить к двум старым индоевропейским падежам — аблативу (отложительному падежу) и генитиву, первый из которых означает отделение («исходная точка» по А. Мейе), а второй — принадлежность и часть [Мейе, 2002; Потенбня, 1958]. Род. в предложно-падежных сочетаниях с пространственным значением и Род. беспредложный при модально-эмоциональных глаголах восходит к старому отложительному падежу — см. [Мейе, 2002: 373–375]). В русском языке интересно то, что все значения, к которым могут быть сведены «модально-эмоциональные глаголы» («аблятивные») и близкие к ним, требующие Род. беспредложного, категоризованы свободными или конструктивно-обусловленными предложными именными синтаксемами Род.п.: удаление (*избегать*) — от кого, чего?; приближение пространственное (*касаться, достичь*), стремление эмоциональное (*достичь*) — до кого, чего?; желание, цель, перспективность (*просить*) — для чего? Семантика причинности, обнаруживаемая Г.А. Золотовой в синтаксемах Род. при «модально-эмоциональных глаголах», также может передаваться предложными синтаксемами Род.: из-за чего? от чего? Ср. также у В.В. Виноградова о смысловой связи пространственной и причинно-целевой семантики, выражаемой Род. с предлогом [Виноградов 1947, пар. 37]. Таким образом, мы наблюдаем своего рода «согласование» глагольной категориальной семантики (реализованной в лексической семантике каждого из глаголов) и грамматической семантики Род., своеобразную взаимную настройку глагольной лексики и именной грамматики.

Не случайно, видимо, Г.А. Золотова квалифицировала беспредложную синтаксему Род. в приглагольной позиции как обусловленную (*бояться собаки*), а не связанную (*глядить, кормить собаку*)². По Г.А. Золотовой, свойство связанности проявляется у формы падежа имени в том, что эта форма предопределена подчиняющим глаголом и семантически оно производно от глагола, т. е. содержательно имена восполняют релятивную (недостаточную) семантику глагола, их форма (падеж) продиктована «моделью управления» глагола. В отличие от связанных, обусловленные синтаксемы формально и семантически независимы от глагола, в позиции при котором они могут находиться. Это можно объяснить на примере каузирующей именной синтаксемы при эмоциональных глаголах (*бояться собаки, любить собаку*): семантика глагола не обнаруживает и не ограничивает семантику имени (семантически имя свободно от глагола);

² Традиционно имя в косвенном падеже (Род./ Вин.) при модально-эмоциональных глаголах рассматривается как объект, см., в частности, АГ-80: Род. предполагает предмет «как объект желания, поиска, достижения, или удаления, отстранения». Объектное понимание характерно и для работ, написанных в рамках лексеоцентрической лингвистики [НОССРЯ, 2004; Объектный генитив, 2008].

форма падежа «пристраивается» к глаголу, значение синтаксемы (каузативное) приобретает в контексте конструкции. Вообще связанные синтаксемы, по Золотовой, более и легче всего поддаются интерпретации в рамках вербоцентрической грамматики (в отличие от других типов синтаксем — свободных и обусловленных, которые реализуют свое значение сами по себе или в рамках конструкций). Понимание современными лингвистами ограниченной объяснительной силы вербоцентризма можно проиллюстрировать двумя подходами к вербоцентризму в 2010-х годах: взаимодополнительные отношения между вербоцентризмом и грамматикой конструкций (В.С. Храковский, доклад в ИРЯ РАН, ноябрь 2012), грамматика конструкций как новая научная парадигма, сменившая вербоцентрическую грамматику (Е.В. Рахилина в [Лингвистика конструкций, 2010]).

Описанное выше семантическое согласование между «модально-эмоциональным» глаголом и именем в Род. в присловной позиции может разрушаться. Это происходит за счет вытеснения родительного падежа винительным, т. е. изменение падежа на Вин. влечет за собой изменение семантических отношений между глаголом и приглагольным именем. Ниже будет показано, что это изменение может проявляться в лексической семантике глагола, в индивидуальном статусе имени в Вин. п.

Ранее всего явлениемены падежей Род./ Вин. было отмечено представителями тех направлений науки о языке, которые занимались стилистикой и культурой речи. Еще В.И. Чернышев писал о Вин. при глаголе *ждать* как о худшем по сравнению с Род., но нередко встречающемся. В дальнейшем проблема «неправильного» Вин. в связи с вопросами синтаксической нормы обсуждалась в [Ицкович, 1982]. В 1970–2000-е годы выбор Вин. — Род. при модально-эмоциональных глаголах квалифицируется с точки зрения собственно грамматической. [АГ-80] признает, что мена Род./ Вин. занимает центральное место в варьировании беспредложных падежей, отмечая разговорный или устаревший характер формы падежа в некоторых контекстах (*спрашивать совет, слушаться бабушки*). Авторы отмечают и зависимость формы падежа от вида глагола (*заслуживать награду/ награды — заслужить награду*), от семантики существительного — личного, предметного неодушевленного или отвлеченного (*хотеть пряник/ пряника, ждать поезд/ поезда — ждать бабушку, жасждать славы*). Самой распространенной точкой зрения стала та, что определенные, конкретные объекты предпочитают Вин., а неопределенные, абстрактные — Род. [Timberlake, 1975; Барентсен, 1980; Ицкович, 1982; НОССРЯ, 2004; Объектный генитив, 2008].

Данная работа посвящена интерпретации грамматики и лексики в сочетаниях глагола *бояться* и имени в Вин. на месте Род. Материалом для исследования в основном послужили примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], относящиеся к XX — началу XXI в.

Личные существительные (собственные имена и термины родства)

В [Золотова, 1988] отмечается корреляция между синтаксемами Род. и Вин. беспредложными, что связывается с категориальной семантикой имени: речь идет о личных именах при некоторых из «модально-эмоциональных» глаголов: *ждать сестры* — *ждать сестру*. Однако в современном языке это уже, скорее, не корреляция, а почти полное вытеснение формы Род. при глаголах *ждать*, *бояться*, *дождаться*, *слушаться* и др., которое не ощущается как ненормативное или разговорное.

Наступление Вин. личных имен настолько активно, что затронуло даже название известного литературного произведения — «Кто боится *Вирджинию* Вульф?» вместо «Кто боится *Вирджинии* Вульф?»: 133 000 откликов против 803 000 откликов на запрос в поисковой системе Google. В [НКРЯ] встречаются такие примеры, в которых личные существительные представлены собственными именами и терминами родства: *бояться Полю, папу, Катю, тещу, жену, Бабу Ягу, хозяйку, Фурцеву, тетку Харыту, Элю* и др. Зависимость падежа от категориальной семантики имени (личные — Вин. / неличные имена — Род.) ведет к тому, что именная синтаксема Вин. на месте «Род. пропозитивного» теряет пропозиitivность и, как следствие, способность к толкованию и/или синонимической замене на пропозициональное имя или клаузу. Ср.: *бояться дедушки* — «не хотеть присутствия дедушки, избегать каких-то проявлений в его характере и поведении» (как *бояться грозы* — «не хотеть, чтобы была гроза»); *бояться дедушку* — ? (как «не любить дедушку»). Ср. также: *бояться дедушку*³ — *любить дедушку* — *ненавидеть дедушку*. Синтаксема Вин. в позиции при глаголах эмоционального отношения типа *любить*, *ненавидеть* имеет, по Г.А. Золотовой, объектно-каузативную семантику и тот же статус, что и Род. при глаголе *бояться*: это конструктивно-обусловленная синтаксема (лексическое значение имени независимо от лексической семантики глагола, глагол не предопределяет форму падежа имени). Выбор Вин. при *бояться* указывает на то, что происходят изменения в лексической семантике глагола *бояться*: он стремится встроиться в группу глаголов **эмоционального отношения** с приглагольным Вин. — *любить*, *ненавидеть*, *жалеть* и т. п. с общим семантическим компонентом «испытывать эмоцию, выражать отношение», покидая **модально-эмоциональную группу избегать**, *чуждаться* и т. п., которая объединяется семантическим компонентом «не хотеть, чтобы...». О сдвигах в лексической семантике глагола

³ Тенденция к выбору Вин. личных имен действительна и для других глаголов эмотивной семантики, она отмечается в художественных произведениях 1950-х гг.: *Вера почему-то Тараньку не стеснялась*; *Глебов Миньку Бычка тоже побаивался* (Трифонов «Дом на набережной»).

свидетельствует падеж приглагольного имени. Интересно, что ранее для трактовки предикатной семантики глагола *бояться*, связанной с семантикой актуального/узуального времени, привлекалась категория именного числа. Так, В.Ю. Апресян обращает внимание на то, что мн. ч. предопределяет предикат свойства (другими словами, узуальное время): *я боюсь мышей*, а ед. ч. — предикат состояния (или актуальное время): *я боюсь этой мыши*⁴ [НОССРЯ, 2004: 63].

Неудивительно, что в первую очередь «нормализуются» в Вин. и теряют способность к пропозиitivному осмыслению именно собственные имена, в силу своей номинативной (непредикативной) сущности (сближающей их с местоимениями). При этом следует оговорить тот факт, что для мены Род./Вин. собственных имен (*боялся Саши* — *боялся Сашу*) не работает традиционное объяснение, касающееся референциальных характеристик имени: *ждать поезда* (интенциональное значение глагола, нереперентное имя), *ждать поезд* (экстенциональное значение глагола, реперентное имя) — примеры и интерпретация из [Объектный генитив, 2008]. Ср. собственные имена в логике как имена, располагающие экстенционалом (множество всех объектов, называемых данным именем) и не обладающие интенционалом (общее свойство всех называемых объектов) [Плунгян, 2000: 241].

Что касается терминов родства, они практически всегда имеют конкретную референцию в силу своей реляционной семантики, номинативны и потому легко употребляются в Вин.: *бояться жену*. Однако рассмотрим классический пример: «Отчего я так дорожу ею (свободой. — *Е. Н.*)? что мне в ней?... куда я себя готовлю? чего я жду от будущего?... Право, ровно ничего. Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей... Признаться ли?... Когда я был еще ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери; она мне предсказала *смерть от злой жены*» (Лермонтов «Герой нашего времени»). В данном случае, строя фразу «Печорин боялся злой жены/злую жену», мы бы определенно выбрали вариант с Род., но никак не с Вин., который представляется неосмысляемым, некорректным. В данной фразе в соединении с прилагательным (*злой*) Род. *жены* имеет своеобразные семантические характеристики: с одной стороны, имя указывает на единичность, уникальность референта (жена могла быть только одна). С другой — в соединении с прилагательным оно имеет предикатный статус («Печорин боялся жениться на женщине, которая станет злой женой, т. е. погубит его»): контекст связан с ирреальной модальностью (жены не существует) и проспективностью (опасения касаются будущего), пропозициональностью (= герой боялся каких-то проявлений «злой жены»: боялся погибнуть от злой

⁴ На наш взгляд, *бояться* является предикатом гномического времени (как и *любить*, *ненавидеть*). См. об этом подробнее ниже.

жены). Реальную модальность и номинативный статус термину рода в соединении с прилагательным возвращает притяжательное местоимение (падеж тогда связан лишь с более новой/более старой нормой): *Печорин боялся свою злую жену/своей злой жены*.

В следующих примерах из НКРЯ собственные имена стоят в Род. Это имена мифологических существ, которые метонимически означают ситуации, т.е. имеют пропозитивное осмысление (компенсаторное взаимодействие семантики падежа и семантики собственных имен, которые не имеют словарного пропозиционального значения):

Из кого тут выбрать! Блатнячек он не выносит. Человек он чистоплотный, боится Венеры (Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут», часть 2, 1975–1977). = боится болезни, заражения;

... перед тем как «умереть», водная стихия бунтует: тут опять является ворожея Кумоха. Несколько раз в году вода проявляет свои языческие свойства, или русский человек несколько раз в году празднует свое неизбывное язычество; в марте и сентябре он боится Кумохи (Андрей Балдин «Московские праздные дни», 1997) = боится бед, которые наводит Кумоха.

Неличные (одушевленные и неодушевленные) существительные

Показательно, что в НКРЯ не встретились примеры с Вин. от абстрактных имен при глаголе *бояться*, однако отмечено несколько примеров с Вин. от одушевленных (названий животных) и от неодушевленных имен. Эти примеры в большей или меньшей мере отстоят от нормы, а с точки зрения типа взаимодействия представляют собой рассогласовательную (компенсаторную) технику (взаимодействие между категориальной семантикой имени и падежа в приглагольной позиции).

Пожалуй, первый по времени из примеров в НКРЯ с конструкцией «*бояться* + название животного в Вин.», — это фрагмент из воспоминаний Марины Цветаевой о том, как дети подшутили над Андреем Белым, подложив ему резиновые игрушки, в том числе свинью, наполненную водой:

«Утром к столу Белый с видом настоящего Победоносца. У детей лица вытягиваются. И Белый, радостно:

— Нашел! Нашел! Обнаружил, ложась, и выбросил — полными. Я на них не лег, я только чего-то толстого и холодного... коснулся... Какого-то... живота. (Шепотом:) Это был живот свиньи. <...>

Белый <...>, со страхом и угрозой:

Я... не люблю свинью... Я — боюсь свинью!..

Этим ю как перстом или даже копьём упираясь в свиной рыльный пятак» (Пленный дух, 1934).

Выбор Вин. частично обусловлен параллелизмом конструкций *не люблю* — *боюсь*. В этом примере замечательна авторская рефлексия

по поводу грамматики выражения, выстроенная в терминах фонетики и графики: пятикратный повтор *ю*, четыре из которых ударные (в их число входит и флексия Вин. ед. 1-го скл. — *свинью*), уподоблен действию колющего копья или перста. Тем самым герой уподобляется Георгию-Победоносцу, а игрушечная свинья — его сопернику, т.е. Вин. обыгрывается и мотивируется на уровне экзистенциальном, жизненной эксцентрики героя мемуаров.

В двух следующих примерах, как и в предыдущем, факторы, способствующие выбору Вин., это конкретно-референтность имени, в примере [Щербакова, 2002] — это и контекст, в котором рассматриваемый глагол включен в ряд с глаголом эмоционального отношения *любить*.

— В пятьдесят шестом... Первое осознание себя самой. Люблю собаку, козу Катьку, боюсь кошку. У нее один глаз, но она все им видит. Бесплезно подкрадываться со слепой стороны. Получишь! (Галина Щербакова, «Новый Мир», 2002).

Страшно? Такой страх ежедневно испытывают множество московских ребятишек, выходя гулять во двор или на улицу. ... — Я боюсь собаку из соседнего дома, — говорит восьмилетняя Таня, живущая на улице Приорова. — Все дети у нас от нее прячутся (Надежда Тавобова, «Вечерняя Москва», 2002.12.09).

Следующий пример из НКРЯ содержит черты аномальности не только в форме Вин. одушевленного при глаголе *бояться*, но и в синтаксическом времени предиката *боялся*:

Я садился в темноте на сундук и боялся щуку. Щука была нарисована в книжке «Русские народные сказки». Ее держал над прорубью русопятый Емеля, и была она жирная и зеленая, как гусеница. Глаз ее неприятно сверкал. [Андрей Макаревич «Сам овца». Автобиографическая проза, 2000–2001).

Дело в том, что глагол *бояться* является предикатом неактуального (гномического) времени⁵, как и, например, глаголы *любить*, *ненавидеть* — подробно о пространственно-временной локализованности см. [Булыгина, Шмелев, 1997]. Такие предикаты несовместимы с конкретно-временной локализацией, с конкретной пространственной позицией субъекта состояния, ср.: *вставал и брился=брился стоя, ложился и читал=читал лежа, *садился и ненавидел=*ненавидел сидя, *садился и боялся=*боялся сидя*. Глаголы положения в пространстве имеют в этих примерах перфектную семантику («след» от действия сохраняется после совершения действия, названное глаголом положение в пространстве сохраняется при исполнении действия, названного

⁵ Традиционно имя в косвенном падеже (Род./ Вин.) при модально-эмоциональных глаголах рассматривается как объект, см., в частности, АГ-80: Род. предполагает предмет «как объект желания, поиска, достижения, или удаления, отстранения». Объектное понимание характерно и для работ, написанных в рамках лексеоцентрической лингвистики [НОССРЯ, 2004; Объектный генитив, 2008].

следующим после него глаголом, т. е. одновременно ему). Другая причина несовместимости глаголов эмоции с глаголами положения в пространстве — эмоции протекают во внутреннем, психическом пространстве человека, которое не «пересекается» с конкретикой внешнего пространства⁶.

Выбор Вин. обоснованно повышает экзистенциальный, индивидуальный статус существительного — названия животного: *собака, кошка* и особенно *щука*. В этом и состоит роль компенсаторного взаимодействия падежа и лексической семантики имени. В самом деле, животные приравниваются к страшному человеку. В связи с этим любопытна еще одна общая черта всех этих примеров из НКРЯ — они либо передают речь реального ребенка либо являются средством моделирования наивного сознания ребенка в мемуарах, которое не разграничивает разные индивидуальные статусы — личность/неличность в рамках категории одушевленности. Об аналогичном явлении применительно к категоризации личного/ неличного субъекта в рамках предиката односоставного предложения в детской литературе см. [Никитина (в печати)]. В примере из автобиографической прозы А. Макаревича «неправильный» гномический предикат *бояться* в условиях конкретного пространства-времени вместе с «неправильным» Вин. образуют систему грамматических средств, реализующих детское сознание.

В следующем примере при глаголе *бояться* употреблено неодушевленное имя в Вин.:

Входящие, исходящие... Бумага не может повиснуть в воздухе. Она ляжет на чей-то стол и не может лежать без конца. У нас иногда даже боятся бумагу. Особенно если она подписана несколькими видными именами. Сделайте так. Напишите бумагу и подпишите известными режиссерами — Ромма не надо (Самуил Аleshин «Встречи на грешной земле», 2001).

Выбор Вин. можно объяснить несколькими причинами: (1) Род от существительного *бумага* с первым (свободным) словарным значением «вещество» может осмысляться в партитивном значении, ср.: *бояться бумаги — оторвать бумаги*, Вин. же оживляет предметное значение документа; (2) Вин. повышает индивидуальный ранг документа. В данном примере интересна взаимная мена экзистенциальных статусов лица и предмета: если Вин. поднимает документ до статуса живого, действующего лица, то лицо, попав в позицию Тв. при переходном глаголе, приобретает черты инструментальные неличные, исполнительские, предметные: *подпишите бумагу известными режиссерами*. Ср. с примерами из диалектной речи: *колодец копали*

⁶ Тенденция к выбору Вин. личных имен действительна и для других глаголов эмотивной семантики, она отмечается в художественных произведениях 1950-х гг.: *Вера почему-то Тараньку не стеснялась; Глебов Миньку Бычка тоже побаивался* (Трифонов «Дом на набережной»).

жонками, сарай строили шабашниками, раньше детей крестили попом — примеры из [Пожарицкая, 2004].

Итак, Вин. п. названий животных и вещественных имен может повышать их индивидуальный статус (вещи и животные как люди). Этот грамматический механизм взаимодействия лексической семантики имени и падежа напоминает то, что было описано Б.Л. Уорфом (1934) как «скрытая категория», или криптотип, см. перевод на русский язык [Уорф, 1972]. В этой работе на примере категории рода в английском языке была показана техника обнаружения неморфологизованных категорий: род получает формальное выражение, «только когда есть возможность соотнести данное существительное с личным местоимением ед. ч. (в случае среднего рода оно может также определяться по вопросительным и относительным местоимениям *what, which*)» [Уорф, 1972: 47–48]. При этом интересно, что семантика не-среднего рода по отношению к неодушевленным инстанциям открывается в особых случаях: например, в том случае, если инстанция выступает как субъект речи («штат сообщает»), если инстанция обладает собственной динамикой (корабли), если о животном (собака, рыбка) сообщается его хозяином, и т. п. Учитывая результаты нашего исследования, можно прийти к выводу, что в случаях, описанных Б.Л. Уорфом, важна экспликация не грамматического значения собственно категории рода, а повышение экзистенциального статуса данной инстанции: род становится проявителем семантической категории личности (т. е. особого значения, выделяемого в рамках категории одушевленности). В частности, для одушевленных неличных инстанций (животных) род является средством приближения к субъекту речи, к Я говорящего. В любом случае речи идет о повышении индивидуальности.

Подводя итоги исследования, можно сказать следующее:

(1) Вин. от личных имен при глаголе *бояться* получает в современном языке статус стандартного, нормативного употребления, теряя пропозициональность и модифицируя семантику глагола.

(2) Расширение сферы употребления Вин. за счет неличных имен (одушевленных неличных либо предметных неодушевленных) при *бояться* не обладает чертами стандартности, связано с определенными нарушениями нормы и используется в индивидуальных авторских тактиках как средство повышения индивидуального ранга неличного имени, в частности, в условиях моделирования наивного мышления субъекта сознания.

(3) Особенности взаимодействия глагола *бояться* с Вин. п., в отличие от других «модально-эмоциональных» глаголов (например, *ждать*), обусловлены его гномической (неактуальной, узуальной) предикатной сущностью.

(4) Синтаксемы Вин. и Род. приобретают черты лексикализованности. Взаимодействие типа (1) и (2) осуществляется по типу семан-

тического согласования по линии падежа — лексической семантики имени — семантики глагола. Взаимодействие типа (2) является также компенсаторным по линии «падеж — лексическая семантика имени», контекстом же для этого компенсаторного взаимодействия является модально-эмоциональный глагол.

Список литературы

- Барентсен А.А.* Объектные падежи при глаголе *ждать* // Возьми на радость. To Honour Jeanne van der Eng-Liedmeier. Amsterdam, 1980.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
- Востоков А.Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. 6-е изд., испр. Санкт-Петербург: тип. Имп. Рос. акад., 1838.
- Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Munchen, 1992.
- Золотова Г.А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- Иорданская Л.Н.* Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970.
- Ицкович В.А.* Очерки синтаксической нормы. М., (1982) 2009.
- Клобуков Е.В.* Падеж и модальность // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984.
- Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. М., 2010.
- Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., (1938) 2002.
- Никитина Е.Н.* Субъектные нули и перцептивный модус (к вопросу о выражении категории эвиденциальности в русском языке) // Вопросы языкознания. 2013. № 2.
- НКРЯ — <http://ruscorpora.ru>
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.
- Объектный генитив при отрицании в русском языке. М., 2008.
- Пожарицкая С.К.* Особенности семантики и синтаксиса беспредложного творительного падежа в севернорусских говорах // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти В.Н. Сидорова. М., 2004.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
- Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I–II. М., 1980.
- Уорф Б.Л.* Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Kagan O.* Genitive case: Modal account. Ms. Jerusalem, 2005.
- Timberlake A.* Hierarchies in the Genitive Negation // Slavic and East European Journal. 19.
- Wierzbicka A.* Semantic primitives // Linguistische Forschungen. Frankfurt; М., 1972. Bd. 22.

Сведения об авторе: *Никитина Елена Николаевна*, канд. филол. наук, докторант Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. E-mail: yelenon@mail.ru

В.А. Недзвецкий

«РУССКАЯ ПО ДУХУ» (ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА РОМАНОВА О РУССКИХ, РУССКОМ ЯЗЫКЕ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

За что и почему немка Элоиза, в замужестве Елизавета Алексеевна Романова, полюбила Россию, русский язык и совсем молодую новую русскую литературу? Как она восприняла пушкинскую поэзию, и что позволило ей — по первой главе «Евгения Онегина» — угадать его новаторское художественное качество? Таковы главные вопросы, на которые отвечает данная статья.

Ключевые слова: Елизавета Алексеевна Романова, «русская по духу», восхищение мужеством русских солдат и великодушием крестьян, деятельное заступничество, эстетическая пронизательность и литературная прозорливость.

What for and why did the German lady Eloise, Elizaveta Alexeyevna Romanova in her married state, come to love Russia, the Russian language and the new Russian literature which was quite young? How did she take Pushkin's poetry, and what enabled her — on the basis of the first chapter of 'Evgeny Onegin' — to divine its innovative artistic quality? Those are the main questions this article purports to answer.

Key words: Elizaveta Alexeyevna Romanova, 'Russian in her spirit', admiration of the Russian soldiers' courage and peasants' large-heartedness, active patronage, aesthetic clear-sightedness and literary sagacity.

Сначала краткая биографическая справка. Принцесса Баден-Дурлахского дома Элиза, о которой наш последующий рассказ, была вместе со своей сестрой Амалией в Петербург в октябре 1792 г. Ей было тринадцать лет. Внешне очень привлекательна, хорошо поет, играет на арфе, скоро научится играть в шахматы и быстро овладевает русским языком, а также с интересом начинает постигать русскую историю и религию.

С 23 сентября (по ст. стилю) 1793 г. принявшая православие под именем Елизаветы Алексеевны она стала супругой Великого князя Александра Павловича и Великой княгиней. С 1801 г. — Императрица, хотя сама себя так не величает, отдавая предпочтение вдовствующей Императрице Марье Федоровне, супруге покойного Императора Павла I.

С первых месяцев пребывания в России и до своей смерти Елизавета Алексеевна находится в переписке (по-французски) со своей матерью Амалией, маркграфиней Баденской. Ее письма к матери